

А. И. Корюшкин

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ИСТОРИЯ ПОИСКА ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Несмотря на свою уже более чем вековую историю, современная политическая наука все еще является местом жарких споров относительно базовых элементов ее теоретических, методологических и политико-практических оснований, которые были, как это утверждает и обосновывает автор, в центре внимания всех предыдущих поколений политологов, что дает ему возможность интерпретировать историю современной политической науки как историю поиска ее идентичности. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: политическая наука и история, политическая наука и политика, предмет политической науки, методология политической науки, история политической науки, идентичность политической науки.

A. I. Koryushkin

THE HISTORY OF CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE AS A HISTORY OF THE SEARCH FOR ITS IDENTITY

Despite its more than century-long history, contemporary political science is still a venue of fierce debates over the basic elements of its theoretical, methodological and politico-practical foundations that have been, as the author presents and substantiates in the article, the focus of attention of all the previous generations of political scientists. This provides the opportunity to interpret the history of the contemporary political science as a search for its identity. Refs 25.

Keywords: political science and history, political science and politics, subject matter of political science, political science methodology, political science history, identity of political science.

История современной политической науки как ее субдисциплины начинается с выходом в 1959 г. в свет книги английского политолога Бернарда Крика «Американская наука о политике», с первых строк утверждавшей, что «изучение политики в Соединенных Штатах является сегодня уникальным по размеру, содержанию и методу явлением в западной интеллектуальной истории» [1, p. xi]. Эта книга задала изначальный, весьма высокий тон продолжающейся до сих пор научной дискуссии относительно многообразных аспектов и смыслов исторической эволюции идентичности как самой политической науки, так и лежащей в ее основе и являющейся предметом ее изучения политики. Политические, экономические и социально-культурные предпосылки и факторы зарождения и институционализации политической науки как самостоятельной научной и академической дисциплины. Функции и роль политической науки по отношению к политике и влияние политики на нее. Предмет и метод политической науки и всё многообразие проблем их взаимоотношений. Нормативное требование научной объективности политической науки и имманентная партийность теоретических построений политологов.

Корюшкин Александр Иванович — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; alexander.koryushkin@gmail.com

Koryushkin Alexander I. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexander.koryushkin@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Абстрактный научный характер политической теории, входящий в противоречие с постулатом неперменной политической релевантности политической науки. Всё это — лишь часть наиболее важных проблем современной политической науки, в совокупности слагающих ее противоречивый облик, ее идентичность, всё многообразие историко-генетических форм и проявлений которой, как это обосновывается в данной статье, и является действительным предметом истории политической науки.

Так, американский политолог Дуайт Уалдо, обозначая в своей статье «Политическая наука: традиции, дисциплина, профессия, наука, организация» базовые черты идентичности современной политической науки, задается вопросом о том, почему она возникла именно в США. Определяя победу Севера в Гражданской войне как победу в США индустриального пути развития над аграрным и характеризуя последовавший за тем период бурного социально-экономического роста страны и возникновения и утверждения здесь модели современного университета, он подчеркивает значение таких важнейших факторов политического опыта США, как «писаная конституция, утверждающая принцип народного суверенитета; билль о правах; территориальное разделение властей; функциональное разделение властей; процветающие здесь идеи и этос либерализма, преимущественно заимствованные из европейских источников, но освобожденные от ограничивающей власти европейского прошлого; укорененное в опыте чувство индивидуальной независимости и местного самоуправления; развитие здесь устойчивой двухпартийной системы и богатых форм групповой жизни в виде многообразных политических ассоциаций; рост деятельного национализма и связанного с ним представления о национальной “миссии”, подверженного, однако, различным и даже конфликтующим друг с другом интерпретациям; рост теорий и практик демократии, налагаемых на изначальный республиканский дизайн; и глубокое, всепроникающее ощущение того, что американский опыт является или же станет опытом всего человечества» [2, p. 21]. Такие «темы», подчеркивает он, «глубоко “вписаны” в американскую политическую науку, причем так глубоко, что они могут не замечаться американцами как сами собой разумеющиеся» [2, p. 21].

Изначально определив свои исследования политики в качестве «политической науки», американские политологи вскоре обнаружили принципиальную и до сих пор актуальную необходимость теоретико-методологического обоснования такого названия, создавшего две глубинные проблемы: в каком смысле и насколько такая наука является наукой? и в каком смысле и насколько такая наука является политической? Таким образом, оказывается, что весь идущий второе столетие период становления и развития современной политической науки представляет собой не что иное, как непрерывную череду попыток ответа на эти два основополагающих вопроса, в совокупности составляющих исторический процесс поиска себя, т.е. собственной идентичности в качестве Политической Науки. Причем если до выделения истории политической науки в относительно автономную в ее составе субдисциплину такой анализ смысла и характера идентичности политической науки осуществляли сами политологи, то затем он стал предметом исследования преимущественно историков политической науки.

В целом определяя политическую науку как науку о государстве, ее американские «отцы-основатели» по-разному определяли предмет этой науки. Так, Уильям Крейн и Бернард Мозес в своем популярном в конце XIX в. учебнике утверждали, что политическая наука складывается из двух разделов. Первый из них, аналитическая политика, или политика как наука, изучает развитие и структуру государства как организма, предназначенного для концентрации и распределения политической власти в обществе. Второй ее раздел, практическая политика, или политика как искусство, исследует политические мотивы и цели, определяя при этом то, что должно делать государство (см.: [3]). Другой популярный в это время автор, Теодор Вулси, также усматривал в содержании политической науки два раздела. Первый из них, политическая теория, определяется им как рассматривающий природу и функции политических сообществ, фундаментальные отношения между государством и народом, в то время как второй изучает способы, посредством которых могут быть реализованы цели, обнаруживаемые в самом смысле существования государства (см.: [4]). В то же время Уэстел Уиллоуби выделял в составе политической науки три группы направлений исследований. «Первое — определение фундаментальных философских принципов; второе — описание политических институтов, или государственных органов, рассматриваемых в статике; третье — определение законов политической жизни и развития, мотивов, которые побуждают к политическому действию, условий, которые вызывают конкретные политические проявления» [5, p. 382].

Особую роль в этот период возникновения и формирования политической науки в последней четверти XIX в. американские политологи придавали взаимосвязи политики и истории. Так, Герберт Бакстер Адамс полагал различие между ними чисто темпоральным, политическая наука была для него лишь современной историей, а его лекционную аудиторию в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе украшало знаменитое изречение английского историка Эдварда Фримэна «История есть прошлая политика, а политика есть нынешняя история». Популярным среди политологов того времени был также афоризм другого английского историка Джона Сили: «Политическая наука без истории не имеет корней; история без политической науки не имеет плодов». Указывая на теснейшую взаимосвязь истории и политической науки, другой патриарх американской политической науки, Джон Бёрджесс, отмечал, что эти две сферы так взаимопроникают друг в друга, что их невозможно разделить. Вместе с тем они не идентичны и не равны друг другу. Политическая наука выходит за рамки исторического анализа, поскольку обеспечивает теоретическую основу организации фактов истории. «Политическая наука, — пишет он, — содержит в себе нечто большее, чем факты и логические выводы на основе фактов. Она содержит элемент философской спекуляции, который, будучи истинным и точным, является предшественником истории. Когда политические факты и выводы вступают в контакт с политическим разумом, они пробуждают в этом разуме осознание еще не реализованных политических идеалов. Облеченные в форму утверждений, эти идеалы становятся принципами политической науки, затем предметами политических убеждений и, наконец, законами и институтами» [6, p. 209]. С другой стороны, Манро Смит, главный редактор первого американского

политологического журнала “Political Science Quarterly”, который начал выходить в 1886 г. и продолжает издаваться до сих пор, отрицал так широко утверждавшуюся близость политической науки к истории. Политическая наука, по его мнению, пересекается в своем содержании с правовой и экономической науками. Эти три науки, утверждал он, так взаимозависимы, что исследования одной из них непременно предполагают исследования двух других, а различия между ними заключаются скорее в точке зрения, чем в предмете исследования. При этом историю он считал не научной дисциплиной, а прежде всего методом установления, сбора и сравнения фактов (см.: [7]). Именно такого рода попытки самоопределения политической науки по отношению к другим социальным наукам явились одним из важных элементов содержания первоначального этапа становления американской политической науки и обретения ею собственного самосознания, собственной идентичности как относительно автономной сферы исследований.

Другим важным элементом содержания этого этапа были устремления американских политологов придать своим исследованиям более строгий научный статус. В последней четверти XIX в. своеобразная форма сциентизма обрела значительную популярность среди американских ученых-обществоведов. Хотя отнюдь не все политологи того времени уделяли большое внимание взаимоотношениям науки с исследованием политических явлений, наиболее значимые из них были убеждены, что их научная дисциплина станет в конечном счете наукой в более широком и менее фигуральном смысле. «Будучи поражены достижениями естественных наук, они верили, что обретение большего (или “истинного”) знания в политической сфере возможно посредством применения образов мысли и методов исследования, которые так эффективно продемонстрировали свою мощь в таких областях, как физика и биология. Приверженность сциентизму плюс вера в то, что политическое аналитически и в какой-то степени эмпирически выделимо из общего социального поля, плюс наличие институтов и ресурсов, необходимых для постижения научного знания о политическом, — всё это составило основу новой американской политической науки» [2, р. 28].

Так, Джон Бёрджесс, будучи уверен, что политическая наука должна применять метод исследования, доказавший свою эффективность в естественных науках, утверждал, что существуют фундаментальные законы, управляющие процессами роста и поведения политических институтов, и что тщательный сравнительно-исторический анализ в состоянии обнаружить эти законы (см.: [6]). Наиболее ярким вдохновляющим примером использования научного метода в естественных науках явилась для Бёрджесса и его современников эволюционная теория Дарвина. Истолковывая историческую эволюцию конкретных форм социально-политических институтов как своеобразный аналог эволюции видов животных, они интерпретировали в качестве научного сравнительно-исторический метод изучения политического как революционный переход от дедуктивного метода анализа из априорных первых принципов Гоббса и Локка.

Созданная в 1880 г. Бёрджессом Школа политической науки Колумбийского университета планировала применение сравнительно-исторического метода к изучению широкого круга проблем политической науки и смежных дисциплин, для чего предполагалось выпустить серию из десяти научных монографий под общим названием «Систематическая политическая наука». Хотя опубликовано было лишь

три из них — «Политическая наука и сравнительное конституционное право» Джона Бёрджесса, «Сравнительное административное право» Фрэнка Гуднау и «История политических теорий» Уильяма Даннинга, — столь амбициозный научный проект свидетельствует о значительной популярности сравнительно-исторического метода как единственно научного в конце XIX — начале XX в.

Вместе с тем и на пике своей популярности этот метод подвергался существенной критике. В частности Вудро Вильсон, соглашаясь с тем, что сравнительный, или, как он пишет, более строгий исторический подход, представляет собой «единственный надлежащий метод изучения политики», полагал, что политологам следует иметь дело не только с документами и историческими манускриптами, но и с реальными событиями, реальными людьми, реальной политической жизнью. Он утверждал при этом, что книги должны быть «балластом», но не всем содержимым груза корабля науки (см.: [8, p. 188–189]). Такая точка зрения на предмет и метод политической науки становится все более распространенной в начале XX в., с формированием и утверждением профессиональной идентичности политической науки.

Самым значительным событием процесса формирования такой профессиональной идентичности политической науки стало создание в декабре 1903 г. Американской ассоциации политической науки (APSA), само существование которой явилось наглядным свидетельством того, что политическая наука обрела роль самостоятельной научной дисциплины. Она стала при этом активным и очень эффективным инструментом отстаивания ее независимости и интересов по отношению к другим научным дисциплинам, ее взаимодействия с благотворительными фондами, университетами и колледжами, со средствами массовой информации и институтами государства. С ее созданием, а также с началом выхода в 1906 г. в свет ее собственного научного журнала “American Political Science Review” научное исследование политики приобрело профессиональное качество, предполагающее признание любой научной дисциплине относительно общее представление о предмете и методе такого исследования, об интересах и характере деятельности представителей данной профессии. В результате чего был запущен процесс формирования и развития профессиональной идентичности политической науки, который и до сих пор является предметом интереса политологов.

Теперь, начиная с этого периода истории политической науки, особое значение приобретают оценки ее наличного и должного состояния, приводимые президентами Американской ассоциации политической науки в текстах их обращений к очередному конгрессу Ассоциации по завершении их годичных полномочий. Таких текстов к настоящему времени набралось уже более ста, и они представляют собой чрезвычайно ценный источник познания истории современной политической науки. Общий тон таких президентских посланий задал в 1904 г. первый президент APSA Фрэнк Гуднау, обозначивший такой специфический объект изучения политической науки, как выявление и реализация воли государства в качестве политически организованного общества, систематически не рассматриваемый ни исторической, ни экономической науками и их ассоциациями, что, утверждает Гуднау, доказывает право политической науки и ее Ассоциации на собственную идентичность, на независимый научный и профессиональный статус (см.: [9]).

Однако наибольший интерес для обозначения вызревающих в американской политической науке этого времени, первого десятилетия XX в., тенденций пред-

ставляют президентские послания Джеймса Брайса «Отношение политической науки к истории и к практике» (1908), Эббота Лоуренса Лоуэлла «Физиология политики» (1909) и Вудро Вильсона «Закон и факты» (1910), в которых авторы настаивали на преодолении формально-правового, по сути сравнительно-исторического метода исследования политики того времени, исходящего из представления о тождестве нормативного и фактического в функционировании политических институтов, и утверждении реалистического, эмпирического метода как приоритетного. Так, для Брайса анализ формального, правового характера политического института — лишь первый этап исследования. За ним непременно должны следовать второй этап, призванный указать не только то, для чего данный институт был создан, но также и то, на какие цели его деятельность на самом деле ориентирована; третий этап, на котором надлежит исследовать специфические характеристики людей, отправляющих функции этого политического института; и четвертый этап, предназначенный для обнаружения идей, возникающих у людей по поводу этого института, а также меры его уважения в обществе. «Каждый политический организм, как и каждая политическая сила, — пишет он, — должен исследоваться в контексте окружающей среды, из которой он вырос и в которой он живет, а иначе он не может быть понят» [10, р. 8]. Лоуэлл, развивая аргументацию Брайса относительно необходимости исследования целей, на которые в действительности ориентирована деятельность конкретных политических институтов, и обосновывая научный характер предлагаемого им «физиологического подхода» к их изучению, фактически утверждает здесь принципы исследования политики, позднее составившие основу как функционального, так и структурно-функционального подходов в современной политической науке (см.: [11]). Вудро Вильсон, через три года ставший президентом США, в своем послании к очередному съезду Американской ассоциации политической науки обращает внимание на вторичный, производный характер формально-правовых норм, законов государства, в основе которых лежит жизнь общества, реальные процессы ее изменения и развития, исследование которых и составляет действительный предмет изучения политической науки. «Я понимаю науку о политике, — пишет он, — как тщательное и детальное наблюдение этих процессов, в результате чего уроки опыта, поступая в сознание, преобразуются в действительные цели и, став предметом дискуссии и отбора, обретают, наконец, форму конкретного закона» [12, р. 2].

Необходимо заметить, что, хотя ни сравнительно-исторический метод, ни в чем-то отрицавший, но по сути дополнявший его эмпирико-реалистический метод не получили широкого признания и применения среди американских политологов конца XIX — начала XX в., приведенные здесь размышления и утверждения наиболее влиятельных американских авторов того времени отражают самый процесс поиска идентичности возникающей и развивающейся тогда политической науки и, взятые в полноте и конкретности их аргументов и образов, представляют интерес и для современных политологов.

Следующий значимый исторический этап в этом поиске имел место в 1920–1930-е годы, когда в США происходила дискуссия между сциентистами и анти-сциентистами в политической науке. Наиболее видными адептами сциентизма в этой дискуссии были Чарльз Мерриам, Уильям Манро и Джордж Кэтлин, а их влиятельными оппонентами — Уильям Эллиотт, Эдвард Корвин и Чарльз Бирд.

Именно Мерриам, создатель и глава знаменитой Чикагской школы политической науки, выдвинул в 1925 г. в своей книге «Новые аспекты политики» идею и задачу создания «новой науки о политике», которая осуществила бы «перестройку методов политического исследования и достижение более значимых результатов в теоретических и практических областях» [13, p. 2]. Для этого он предлагал активное использование методов намного более продвинутых на тот момент психологии и статистики, а предметом исследования этой новой политической науки он полагал политическое поведение, изучение которого ведется на базе более строгого, объективного научного наблюдения с возможностью применения способов измерения и вычисления. Движимым мотивом создания такой «новой науки о политике» было его стремление разработать научные основы социальной политики, которые позволили бы обеспечить «сведение к минимуму негативные последствия человеческих действий, высвобождение политических возможностей в человеческой природе, возможность избегать войн и революций, способность преодолевать распри между индивидами и классами» [13, p. xvi].

Манро зарекомендовал себя в этой дискуссии как еще более страстный сторонник идеи необходимости и возможности открытия фундаментальных законов политического. «Политической науке, — пишет он, — следует заимствовать, по аналогии с новой физикой, решимость отказаться от “интеллектуальной неискренности” относительно природы суверенитета, общей воли, естественных прав и свободы индивида, согласия управляемых, правления на основе общественного мнения, от идеи о равенстве людей, от идеи свободного рынка и тому подобного» [14, p. 10]. Ей следует, полагает Манро, искать понятия, которые выдержат испытание действительными событиями, и на этой базе перестраивать себя посредством тщательного наблюдения за этими событиями. Как это сделала физика, «политическая наука должна идти от видимых, крупных явлений к субатомным, невидимым и до сих пор игнорируемым силам, посредством которых приводится в действие и контролируется индивидуальный гражданин» [14, p. 10].

Если Мерриам в деле создания новой науки о политике обратился к ресурсам психологии и статистики, а Манро в качестве модели такой науки использовал пример физики, то для третьего участника этой дискуссии со сциентистской стороны, Кэтлина, таким образом явилась экономическая наука. Точно так же, пишет он в своей книге «Наука и метод политики», как экономическая наука сместила фокус своего исследования с делового предприятия на абстрактный аналитический конструкт, экономического человека, политической науке следует развернуться от государства к другому абстрактному аналитическому конструкту, политическому человеку. Экономический человек движим желанием обладать и потреблять, в силу чего экономическая наука имеет дело с производством и распределением товаров и услуг. Политический же человек движим желанием доминировать, властвовать, делать свою волю преобладающей по отношению к воле других людей, вследствие чего предметом исследования в политической науке должна быть власть. Политическую сферу, утверждает Кэтлин, следует рассматривать в качестве своеобразного рынка для власти (см.: [15, p. 244]). Если в экономике единицей измерения богатства являются деньги, то в современной политике единицей измерения власти являются голоса избирателей, что дает возможность, по мнению Кэтлина, наделить исследование политико-властных отношений свойством квантифицируемости и исчисли-

мости, придавая политической науке большую объективность и точность, более адекватный научный статус.

Наиболее значительным оппонентом сциентистов в американской политической науке того времени стал Уильям Эллиотт, утверждавший, что сторонники «научной» политической науки, объятые завистью по отношению к естественным наукам, хотели бы обрести причастность к престижу, которым обладает экспериментальная наука в современном мире. Как бы они ни старались, полагает он, политическая наука никогда не сможет стать такой наукой, поскольку она не обладает никакой постоянной, устойчивой единицей измерения, которая могла бы быть основой измеряемых переменных. Имея дело с сущностно уникальными и безнадежно сложными явлениями и процессами, субъекты которых наделены свободой воли и способностью постоянного обновления в своей адаптации к социальной действительности, она неспособна, утверждает Эллиотт, пытаться описывать и объяснять эти явления и процессы в абстрактных универсальных категориях, формулировать какие-либо жесткие детерминистские законы (см.: [16]).

В свою очередь Эдвард Корвин, не отрицая, как и Эллиотт, возможность разумного применения новых, более строго научных методов изучения политики, порицает чрезмерный методологизм «новой политической науки», ее всепоглощающую ориентацию на изобретение все новых методов исследования и их бесконечную шлифовку, что зачастую становится самоцелью таких научных «штудий». Весьма значимые возражения он выдвигал по отношению к стремлению этой науки обрести этическую, нормативную нейтральность, которую он истолковывал как отказ политологов от своих древних, истинных целей в пользу «чечевиной похлебки» измерения «стереотипов, помещенных в общественное сознание другими людьми, в то время как они могут внедрять свои собственные» [17, p. 590]. Настоящими же задачами политической науки Корвин полагал «критицизм и образование применительно к истинным целям государства и способам их достижения» [17, p. 592], а широкое применение научных методов оправдано, по его мнению, лишь в той мере, в которой они помогают выявлению и достижению этих целей.

Подобную же точку зрения мы обнаруживаем и у Чарльза Бирда, который, признавая значимость определенной меры использования научных методов изучения политики, утверждал, что не может быть великой творческой работы в политической науке без этики, что не может быть политической науки, свободной от ценностей. Он саркастически замечал, что «бесстрастное исследование бесстрастных истин — наивное представление в определенных кругах академического мира, где исследователи не изучают природу исследователей и пытаются объяснить, как они добиваются такого игнорирования этого фактора» [18, p. 118].

Однако в начале 1930-х годов, в ситуации Великой депрессии и затем Нового курса Рузвельта, «американские политологи были во все возрастающей мере поглощены множеством острых экономических и политических проблем. В интеллектуальном и эмоциональном плане доминирующим был импульс в пользу действия и приверженности интересам страны, а не объективности и научности исследования» [19, p. 129]. Тематика программ ежегодных съездов APSA этого периода «свидетельствовала о том, что интерес к науке и методологии уступал место гражданскому и в целом политическому образованию» [19, p. 128]. Здесь, при поддержке благотворительных фондов, возобладало представление о том, что изначально

поставленная американской политической наукой цель развития и углубления демократии может быть наиболее эффективно достигнута не посредством изучения ее научных основ, а при помощи создания широкой системы гражданского образования. В результате чего дискуссия этого периода о научном характере политической науки фактически прекратилась.

Представленный здесь обзор основных тем обсуждения и этапов полувекового, до Второй мировой войны, развития истории политической науки является отражением эволюции представлений самих политологов о различных аспектах идентичности политической науки, об ее истории как процессе развития ее самосознания. Этот продолжающийся до сих пор, по сути, имманентный процесс дополняется, с формированием истории политической науки как ее автономной субдисциплины, новым уровнем анализа, призванным придать ему более строгую научную форму и содержание.

История современной политической науки как предмет исследования ее субдисциплины, «истории политической науки»

В основе книги английского политолога Бернарда Крика «Американская наука о политике», положившей начало профессиональному «разговору» об истории современной политической науки, был текст его докторской диссертации, написанной во второй половине 50-х годов, в период изучения им истории американской политической науки в Калифорнийском (в Беркли) и Гарвардском университетах, и защищенной в 1958 г. в Лондонской школе экономики и политической науки. Целью этой работы Крика была демонстрация того, в какой степени идея научного изучения политики, следующего принципам естественных наук, была уникально американским изобретением, которую, начиная с ранних устремлений в направлении развития системы гражданского образования вплоть до методологических требований бихевиорализма, следует понимать в контексте традиций американского либерализма, которые она отразила и усилила (см.: [20]).

«Несмотря на ее претензии на объективное, свободное от ценностей, изучение политики, американская политическая наука, — утверждает Крик, — содержала скрытые, но сильные утверждения определенной политической доктрины». В ее «фактах» были заключены предположения, характерные для активного «демократического морализма», что сближает ее скорее с американской политической мыслью, чем с наукой [1, p. v–vi]. Вместе с тем он подчеркивал особую значимость, особенно в случае с Мерриамом и Чикагской школой, часто парадоксальных взаимоотношений между одновременной приверженностью здесь науке и демократии. Вера в необходимость социального контроля обернулась, по мнению Крика, прямыми тоталитарными импликациями в манере размышлений Лассуэлла и глубоким смысловым хаосом в ментальности американского либерализма, который интерпретировал науку в качестве технологии, что не соответствовало лучшим образцам американского политического опыта и его осмысления и поставило под угрозу целостность самой сферы политического.

Крик утверждает также, что одним из значимых факторов стремления американской политической науки к обретению научного знания о политике являлась антипатия к ее собственному предмету исследования, так как с самого начала ее

целью было достижение некоей разновидности социального контроля, хотя и призванного служить демократическим ценностям, но на деле «устраняющего политику из самой политики» [1, р. 208–209, 233–234]. Явно под влиянием таких утверждений Крика американский политолог Альфред Коббан вскоре привел в своей книге саркастическое замечание о том, что политическая наука представляет собой средство ухода от политики и недостижения при этом состояния науки (см.: [21]).

В целом же «влияние этой работы Крика иллюстрирует то, как история политической науки, выступая в роли контекста, в рамках которого мы обретаем понимание природы и роли политической науки, является, по крайней мере имплицитно, источником ее идентичности» [22, р. 2]. Обнаруживая и анализируя кризис идентичности американской политической науки того времени и предлагая способы его преодоления, эта книга и до сих пор весьма значима для исследований, посвященных проблематике политической, научной и профессиональной идентичности не только современной американской политической науки, но и политической науки в целом в ее связи с современными политическими реалиями.

Хронологически следующей важной работой, посвященной истории современной политической науки, стала книга американских политологов Альберта Сомита и Джозефа Таненхауса «Развитие американской политической науки: от Бёрджесса до бихевиорализма», вышедшая в свет в 1967 г. (см.: [19]). Написанная на пике устремления американской политической науки в направлении обретения ею научного универсализма, она анализирует исторический процесс профессионального становления и эволюции политической науки от ее ранних американских истоков до бихевиорализма.

В предлагаемой здесь периодизации процесса развития американской политической науки ее история, с приведением ее краткой предыстории, разбивается на четыре периода: 1880–1903 гг. (период подготовительного формирования), 1903–1921 гг. (период возникновения), 1921–1945 гг. (срединный период) и 1945–1965 гг. (современный период), три из которых, начиная с 1903 г., характеризуются в трех специальных разделах, посвященных анализу (а) профессионального роста и развития, (б) политической науки как научной дисциплины и (в) внеаучных, преимущественно политических форм деятельности политологов, что позволило авторам достаточно подробно изложить и оценить различные аспекты идентичности политической науки в рамках этих исторических периодов. Сосредоточив свое внимание на тех аспектах прошлого политической науки, которые, по их мнению, так или иначе оказали влияние на ее нынешнее состояние, они тем самым применили методологию исторического презентизма, изложив историю американской политической науки преимущественно с точки зрения идентичности ее тогдашнего бихевиоралистского «мейнстрима», научный подход которого они охарактеризовали как важнейшее явление во всей интеллектуальной истории этой научной дисциплины, как один из циклов очарования идеей научного изучения политики и как попытку продвинуть политическую науку из допарадигмальной (в терминах Томаса Куна) в парадигмальную стадию ее развития. Вместе с тем, утверждая, что бихевиорализм не стал еще на тот момент «преобладающей парадигмой» и что он получит еще дальнейшее развитие, Сомит и Таненхаус весьма верно предсказали, что «его научные притязания станут в будущем более умеренными» [19, р. 175, 208, 210].

В 1975 г. Дуайт Уалдо представил в своем обширном тексте «Политическая наука: традиции, дисциплина, профессия, наука, организация» [2] историко-интерпретативный анализ всего периода развития современной политической науки в США с момента создания Фрэнсисом Либером в 1858 г. первой кафедры политической науки до постбихевиоральной фазы развития политической науки начала 1970-х годов. Хотя Уалдо утверждал здесь, что политическое знание имеет кумулятивный характер, возможный только в рамках методологии естественных наук, сам он называет свой подход к истолкованию истории политической науки «экуменическим». Он обнаруживает в исследовательской практике и взглядах политологов раннего постбихевиорального периода все более очевидный плюрализм и полагает, что «не может быть сколь-нибудь безусловной единственной перспективы, с точки зрения которой можно было бы описать историю этой научной дисциплины». Он задается здесь вопросом о том, не будет ли вскоре «постбихевиоральная чувствительность» истолкована как временная аберрация сознания, как своеобразный обходной путь по направлению к более научной политической науке, или же возникнет новый баланс сил, при котором наука будет не столько целью, сколько средством реализации определенных ценностей. Сам постбихевиорализм он трактует как явление, возникшее в политической науке скорее под влиянием движения «новых левых» и феномена контркультуры, чем в результате переосмысления философско-методологических оснований политического исследования. Общий тон этого текста Уалдо отразил попытку поворота развития политической науки этого периода, стремящейся обрести свою идентичность в качестве политически значимой науки, в сторону “policy science”. Он утверждал, что, хотя и имеет смысл предлагать варианты развития методологии политической науки подобной методологии естественных наук, сама политическая наука, конечно же, является культурно обусловленной научной дисциплиной, во многом детерминированной ее социально-историческим контекстом.

В середине 1980-х годов появились еще две работы, посвященные истории американской политической науки. Это «Трагедия политической науки» Дэвида Риччи [23] и «Лишенные иллюзий реалисты» Реймонда Сейдельмана [24], выполненные в форме критики этой научной дисциплины. Теоретический нарратив обеих этих работ сфокусирован на проблематике взаимоотношений между политической наукой и политикой и, в частности, на взаимозависимости и острых противоречиях между целями развития политической науки как научной дисциплины и ее приверженностью демократическим ценностям и их воплощению.

Исходный пункт анализа предложенной Риччи интерпретации истории политической науки можно обнаружить в жарких теоретико-методологических баталиях второй половины 1960-х годов между политологами-бихевиоралистами и их критиками. Риччи обозначает здесь фундаментальный разрыв между великой традицией изучения политики от Платона до Маркса и реальной практикой современной эмпирически ориентированной профессиональной политической науки с ее предпочтением узко научного подхода к изучению социальных явлений. Причиной «трагедии» политической науки он полагает взаимопроникновение политической науки и американского либерализма. Политическая наука, считает он, сформировалась здесь как приверженная двум целям, которые в разных ситуациях обнаруживают свою несовместимость. Это, с одной стороны, изучение политики строго

научным образом, при четком разведении фактов и ценностей; с другой стороны, это трактовка политической науки как науки о демократии, само понятие и производные которой представляют собой глубоко ценностные явления. «Именно между этими двумя приверженностями нашей дисциплины — между принятием на вооружение строго научного инструментария и нашей приверженностью демократическим идеалам — и начинаются наши проблемы», — пишет он [23, p. 24].

Сейдельман обнаруживает в истории американской политической науки три традиции, первая из которых воплощается в теоретической деятельности консервативных институционалистов, вторая отражает радикально-демократические тенденции в политической науке, в то время как третья традиция, в рамках которой была предпринята попытка примирения первых двух, выражается в стремлении политологов совместить строгую научность с тем или иным вариантом политической приверженности, науку о политике с наукой для политики, создать науку для демократии, увязывая объективное профессиональное политическое исследование с политическими реформами, в результате чего политическая наука могла бы быть явленной в качестве «нереволюционной альтернативы отжившим идеологиям и практикам» [24, p. 2]. Сейдельман утверждает, что эта третья традиция в истории американской политической науки с ее ориентацией на достижение социальной гармонии посредством научно обоснованного построения государства теряет свои позиции, в то время как политическая наука и политическая реальность все более утрачивают точки соприкосновения.

Попытку сбалансированного, объективистского анализа состояния современной политической науки предпринял Габриэль Алмонд в своей знаменитой статье «Отдельные столики: школы и секты в политической науке» [25], опубликованной в 1988 г., которая не утратила актуальности вплоть до наших дней. Политическая наука, утверждает он здесь, разделена в двух измерениях, одно из которых он определяет как идеологическое, а другое — как методологическое. В свою очередь в идеологическом измерении он усматривает левую и правую позиции, а в методологическом — мягкую и жесткую позиции.

К мягкой методологической позиции относятся, по его мнению, чисто дескриптивный подход Клиффорда Гирца и восхищенная оценка Альбертом Хиршманом биографии мексиканского партизана-героя Эмилиано Запаты, написанной Джоном Уомаком. В этой биографии почти полностью отсутствуют концептуализация, гипотезы, доказательства каких-либо предположений и другие признаки социальной науки. Сюда же он относит и подход Лео Страусса и его последователей, заключающийся в толковании идей политических философов, а также направления политической философии, использующие эмпирический материал и логический анализ, которые наиболее ярко представлены работами Майкла Уолцера и Кэрол Пейтман. К жесткой методологической позиции он относит количественные, эконометрические и математические методы моделирования в политической науке. В то же время наиболее полным выражением этой позиции он полагает сочетание математического моделирования, статистического анализа, эксперимента и компьютерной симуляции, представленной в литературе по общественному выбору.

При этом левая позиция идеологического измерения представлена, по мнению Алмонда, четырьмя группами политологов, так или иначе продолжающих марксистскую традицию: это собственно марксисты, «критические политические

теоретики», сторонники теории зависимости и приверженцы теории мировой системы, то есть все, кто отрицает возможность отделения знания от действия и подчиняет политическую науку борьбе за социализм. К правой же позиции этого измерения он относит неоконсерваторов, которые ратуют, среди прочего, за свободную рыночную экономику, ограничение властных полномочий государства и агрессивную антикоммунистическую внешнюю политику.

«Если мы объединим эти два измерения, — пишет здесь Алмонд, метафорически представляя политическую науку в качестве своеобразного кафетерия, в котором представители различных направлений и течений в политической науке сидят за своими столиками, — то мы получим четыре школы политической науки, четыре отдельных столика: мягкие левые, жесткие левые, мягкие правые и жесткие правые столики» [25, p. 830]. При этом если обозначенные здесь четыре столика располагаются по краям этого «кафетерия», они ярко освещены, от них раздаются громкие голоса, и они бурно заявляют о себе, то большинство политологов, развивая свою метафору Алмонд, сидят за столами центральной, не так ярко освещенной части «кафетерия», они «либеральны», идеологически сдержанны, эклектичны, они вполне способны изменить свои методологические пристрастия.

Вместе с тем такая неопределенность, эклектичность центральной части этого «кафетерия», помноженная на глубоко противоречивую категоричность расположенных здесь по краям «столиков», является выражением вполне определенной характеристики состояния современной политической науки, которая свидетельствует о до сих пор существующей принципиальной неопределенности, расщепленности самосознания современной политической науки, ее идентичности. А сама представленная здесь эволюция толкований предмета и метода политической науки, ее целей и социальной ответственности может быть интерпретирована как поиск такой идентичности.

Литература/References

1. Crick B. *The American Science of Politics: Its Origins and Conditions*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1967. 252 p.
2. Waldo D. Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise. *Handbook of Political Science, vol. 1: Political Science: Scope and Theory*. Eds F. I. Greenstein, N. W. Polsby. Reading, Massachusetts, Addison Wesley Publishing Company, 1975, pp. 1–130.
3. Crane W. W., Moses B. *Politics: An Introduction to the Study of Comparative Constitutional Law*. New York, London, J. P. Putnam's Sons Publ., 1883. 322 p.
4. Woolsey T. D. *Political Science, or The State, Theoretically and Practically Considered: 2 vols*. New York, Scribner, Armstrong, 1877. 626 p.
5. Willoughby W. W. *The Nature of the State*. New York, Macmillan and Co. Publ., 1896. 469 p.
6. Burgess J. W. Political Science and History. *Annual Report of the American Historical Association for the year 1896: in 2 vols*. Vol. 1. Washington, Government Printing Office, 1897, pp. 201–220.
7. Smith M. The Domain of Political Science. *The Political Science Quarterly*, 1886, vol. 1, issue 1, pp. 1–8.
8. Wilson W. The Study of Politics. *New Princeton Review*, 1887, vol. III, pp. 188–199.
9. Goodnow F. J. The Work of American Political Science Association. *Proceedings of American Political Science Association, First Annual Meeting*, 1904, vol. 1, no. 1, pp. 35–46.
10. Bryce J. The Relations of Political Science to History and to Practice: Presidential Address, Fifth Annual Meeting of the American Political Science Association. *The American Political Science Review*, 1909, vol. 3, no. 1, pp. 1–19.
11. Lowell A. L. The Physiology of Politics: Presidential Address, Sixth Annual Meeting of the American Political Science Association. *The American Political Science Review*, 1910, vol. 4, no. 1, pp. 1–15.

12. Wilson W. The Law and the Facts: Presidential Address, Seventh Annual Meeting of the American Political Science Association. *The American Political Science Review*, 1911, vol. 5, no. 1, pp. 1–11.
13. Merriam Ch. E. *The New Aspects of Politics*. Chicago, Illinois, The University of Chicago Press, 1925. 302 p.
14. Munro W. B. Physics and Politics — An Old Analogy Revised. *The American Political Science Review*, 1928, vol. 23, no. 1, pp. 1–11.
15. Catlin G. E. G. *The Science and Method of Politics*. New York, Alfred A. Knopf, 1927. 258 p.
16. Elliott W. Y. The Possibility of a Science of Politics: With Special Attention to the Methods Suggested by William B. Munro and George E. G. Catlin, with “Appendix Commentary” by George E. G. Catlin. *Methods in Social Science: A Case Book*. Ed. by S. A. Rice. Chicago, University of Chicago Press, 1931, pp. 349–387.
17. Corwin E. C. The Democratic Dogma and the Future of Political Science. *The American Political Science Review*, 1929, vol. 23, no. 3, pp. 569–592.
18. Beard Ch. A. Book Review. *The American Political Science Review*, 1933, vol. 27, no. 1, pp. 118–119.
19. Somit A., Tanenhaus J. *The Development of American Political Science: From Burgess to Behaviorism*. Boston, Mass., Allyn and Bacon Publ., 1967. 220 p.
20. Gunnell J. G. *Imagining American Polity: Political Science and the Discourse of Democracy*. University Park, Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press, 2004. 289 p.
21. Cobban A. A. *In Search of Humanity: The Role of the Enlightenment in Modern History*. New York, George Braziller Publ., 1960. 256 p.
22. Adcock R., Bevir M. The History of Political Science. *Political Studies Review*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 1–16.
23. Ricci D. M. *The Tragedy of Political Science: Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven, London, Yale University Press, 1984. 335 p.
24. Seidelman R. (with assistance of Edward J. Harpham). *Disenchanted Realists: Political Science and The American Crisis, 1884–1984*. Albany, N.Y., State University of New York Press, 1985. 295 p.
25. Almond G. A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science. *PS: Political Science and Politics*, 1988, vol. 21, no. 4, pp. 828–841.

Для цитирования: Корюшкин А. И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 320–333. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.404>

For citation: Koryushkin A. I. The history of contemporary political science as a history of the search for its identity. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 320–333. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.404>

Статья поступила в редакцию 29 августа 2017 г.
Статья рекомендована в печать 20 сентября 2017 г.